

---

КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

---

**Фигль-Мигль. Долой стыд. СПб.: Лимбус Пресс, ООО Издательство  
К. Тублина, 2019. — 376 с.**

Ироничная тональность романа задана с первой фразы: «Старые застиранные трусы спасли ее честь. Насильник не отказался от своего замысла, но на секунду оторопел — такая расфуфыренная, холеная дамочка, гладкие ноги, и вдруг это растянутое безобразие с торчащими нитками, — и секунды ей хватило, чтобы извернуться и заехать мерзавцу коленом по яйцам. Но потом, придя в себя и анализируя, она поняла, что спасена всего лишь половая неприкосновенность, а вот честь как раз безвозвратно погублена проклятыми трусами». Комичных ситуаций в лихо закрученном сюжете (политические игры, подковерные интриги, конспирологические заговоры, женские и мужские неврозы) немало. Действие романа происходит в Петербурге в 2016 году. Есть явственные намеки: подготовка к юбилеям Сумарокова (2017), и Каткова (2018). Измененная реальность. Согласно пакту от 23 августа ...года, госбезопасность и силы защиты демократических ценностей соблюдают нейтралитет. Противоборствуют две политические группировки: Демократический контроль, главное оружие которого клевета и травля, и Имперский разъезд. Активизируется, проводя совещания то в бане, то в глухом углу Смоленского кладбища, подпольная автономная группа из пяти человек, для которой провокации — средство оправдать свое существование и, естественно, финансирование. У руководителя группы установлены контакты с «грязно известным политологом из Москвы», подручные предчувствуют: «вздвогнуться не успеем, как окажемся посреди актуальной политики». Члены ДК и ИР получили письма с изображением виселиц, и в городе поднялся переполох. В политических играх участвуют также депутаты и Фонд Плеве, задуманный как вывеска вменяемой государственности, консерватизма с человеческим лицом, — респектабельные конспираторы, ведущие тихую войну с глобализмом. Рассказ, перемежая друг друга, ведут четверо. Это Доктор, психоаналитик с тремя дипломами, один из которых фальшивый. Большой старик, Вор, первый советский масон, с грузом на совести: когда-то в 1982 году он «сдал» КГБ своего друга из Клуба неформальных литераторов и теперь постоянно ворошит далекое прошлое. Очень здравомыслящий Заговорщик. Четвертым, под именем Жених, выступает женщина, желающая выйти замуж. Она, вроде бы простоватая кассирша из магазина, умно и аккуратно плетет свою паутинку вокруг избранного «объекта»: «Не хочу сказать, что он не разговаривает со мной вообще, бедняжка. Разговаривает, если спрашивать о Наполеоне и законах физики. (И прекрасно, пусть тренируется. Дети не дадут ему покоя.) Я сразу поняла, что главное для нашей будущей семейной жизни — не действовать ему на нервы, и не так много времени ушло, чтобы выяснить, что именно для этого нужно делать и не делать». Среди героев и пациенты доктора. Соня Кройц, человек несокрушимого душевного здоровья, страдающая только по поводу поразивших насильника старых трусиков. Муся, лесбиянка и феминистка, которая не хочет быть ни феминисткой, ни лесбиянкой и стыдится своего отступничества. Дотошный редактор в некрупном издательстве, направленный на лечение в принудительном порядке стараниями Демократического контроля. Доктора курируют «наблюдатели» от ФСБ и ДК, желающие выведать от доктора грязные тайны пациентов, и в первую очередь: не одержим ли кто мыслями о свержении существующего строя? Рассказчиков, заговорщиков, представителей разных организаций, пациентов связывают сложные отношения, — непросто разобраться в этом запутанном клубке. Фигль-Мигль мастерски стоит диалоги, щедро сыплет афоризмами. «Интерес к политике — показатель душевно-

го расстройства»; «Настоящих реакционеров не существует. Только на зарплате или по принуждению»; «Иногда, чтобы оставаться человеком, нужно делать выбор в пользу „хочу“, иногда — в пользу „должен“, причем порою — отвечая на один и тот же вопрос». Известно, что под хулиганским псевдонимом скрывается петербургский филолог Екатерина Чеботарева. Только филолог может так ярко запечатлеть страдания редактора с диагнозом индивидуальная непереносимость на наше время. Диалог доктора с пациентом: «Подошел, мелко семеня ногами. — Да? — Чем еще можно семенить, если не ногами? Мозгами? И можно ли *семенить* крупно? Два слова из трех — лишние. Семенить и означает: мелко перебирать ногами. — Очень хорошо. Продолжайте. — А вот это я вчера по радио слышал. В передаче с участием специалиста. „Кадм построил стовратные Фивы“. — ...Да? — Семивратные он построил! Семивратные!!! В Греции! А стовратные, в Египте построил неизвестно кто, когда не то что Кадма, но и Греции толком не было! Кадм, как же! Ненавижу. Убивать безжалостно. В газовые камеры». Роман наполнен многочисленными отсылками к историческим лицам, к современникам и классикам литературы. Пестель, Бенкендорф, Катков, Витте, Плеве, Распутин, Пуришкевич, Г. Джеймс, А. Белый, Пелевин. Значимые связующие нити между прошлым и настоящим. Книга рассчитана на современников, вряд ли через энное количество лет для читателя заиграют имена Ричарда Гира и Багдасарова или намеки на фильм «Ночной портье». Просматривается ли позиция автора? В романе есть клоуны-либералы и клоуны-патриоты, высмеиваются масонство и графоманы-литераторы советских времен. А в конечном счете с отменной иронией и озорством утверждается приоритет личности, ярко проявляющейся в политических «играх взрослых людей». Сам автор Фигль-Мигль в одном из интервью назвала избранный ею жанр «философским комическим романом».

**Приказ Реввоенсовета № 279 «К пятилетию Красной Армии»  
с иллюстрациями Юрия Анненкова: уничтоженное издание 1923 года  
(Репринт. Портреты. Воспоминания) + Антология авангардистских  
приказов и декретов 1917–1924 годов. Приказ как литературный жанр:  
от футуристов до ничевоков. Сост. и науч. ред. А. Россомехин. СПб.:  
Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге,  
2019. — 192 с.: ил., вкладка (репринт книги 1923 года). —  
(AVANT-GARDE; вып. 18).**

В пересечениях и переплетениях культуры и политики первых лет советской власти своеобразным литературным жанром эпохи становится приказ. Авангардистские приказы, манифесты и декларации выходили из-под пера футуристов, имажинистов, экспрессионистов, ничевоков, биокосмистов, эго— и панфутуристов. Наиболее амбициозными и последовательными в своих призывах являлись Хлебников, Маяковский и Каменский, известность в 1918–1920 годах имел также омский писатель-скандалист Антон Сорокин, «Мозг Сибири». Адресатами литературных приказов являлись солдаты и Мейерхольд, город и улицы, люди и солнца. Литературные декреты, заряженные невероятной искрящейся энергией, должны были подготовить почву для третьей революции — Революции духа. «Готовьте новый бунт в грядущей коммунистической сытости» (В. Маяковский, 1922). «Мы приказываем не людям, а солнцам!.. / Мы, главные, / Расклеиваем наши приказы самой свежей выделки» (В. Хлебников, 1922). «А ну-ко робята — таланты / Поэты — художники — музыканты / Засучивайте рукава. / Вчера учили нас Толстые да Канты / Сегодня — звенит Своя голова» (В. Каменский, 1918). Главная тема стихотворного приказа как отклика на Февральскую и Октябрьскую революции — изменение мира, а средством преобразования мира и человека, верили

поэты, является воздействие человеческого Слова. Таким преобразующим словом виделся и сам приказ. Советская действительность и сгущающиеся сталинские сумерки быстро задушили ростки «культурного правления», приказы вступили в противоречие с политикой советской власти. В книге впервые собраны характернейшие артефакты революционной эпохи: авангардистские приказы и декреты за 1916—1924 годы. Всего в антологию включено тридцать пять поэтических приказов не только ключевых фигур авангарда, но и совершенно забытых персон. Из тридцати пяти тридцать текстов воспроизведены факсимильно. Это своего рода слепки времени, воскрешающие особенности авторской типографики и архитектоники, отпечатлевшиеся на эфемерных листовках, афишах, газетных страницах, в редчайших литографированных брошюрах. Текст сопровождается комментариями и статьей Н. Сироткина «Жанр „приказа“ в авангардистской поэзии (футуризм и левый экспрессионизм)», где проанализированы характерные особенности авангардистского приказа как жанра, художественные средства, используемые авторами, и цели, которые авторы ставили. В книгу входит и подлинный политический документ — репринтное воспроизведение уникального «Приказа Реввоенсовета № 279 „К пятилетию Красной Армии“» (1923) с иллюстрациями художника Ю. Анненкова. Документ впервые становится достоянием общественности: пятитысячный тираж этого издания вскоре после появления был уничтожен — его вдохновитель и автор Лев Троцкий потерял все государственные посты в СССР и был выслан из страны. В немногих уцелевших экземплярах вымараны фамилии всех шестерых его подписавших. Данилов и Антонов-Овсенко погибли во время Большого террора, Троцкого убили кремлевские агенты; при подозрительных обстоятельствах утонул Склянский; «военспецы» Каменев и Лебедев успели умереть своей смертью. К изданию этого приказа был привлечен художник-график Ю. Анненков, за одну ночь сделавший десять простых и символических иллюстраций в две краски. Идея художественного оформления приказа по армии возникла спонтанно: Анненков приехал в Москву для работы над выставкой к первому юбилею Красной Армии. Анненков получил заказ на большой портрет Троцкого. В дни празднования пятой годовщины РККА Троцкий воспринимался массами как революционный вождь и организатор Красной Армии, его портреты украшали города и веси, заполняли страницы праздничных газет и журналов. В процессе подготовки и состоялось знакомство художника и наркома. В ходе работы над картиной художник придумал спецодежду для Троцкого: темная непромокаемая шинель, черные краги, кушак и фуражка, защитные очки и мужицкие сапоги. Луначарский так характеризовал портрет Троцкого: «Анненков придал т. Троцкому люциферовские черты». Этот портрет стал центром экспозиции русского павильона Венецианской биеннале 1924 года; сам художник выехал для участия в выставке в Европу и там остался. Ю. Анненков не был «пламенным революционером». Воспоминания самого художника о событиях на Дворцовой площади отнюдь не пафосные: «Я видел, как из дворца выводили на площадь министров, как прикладами били до полусмерти обездороженных девушек и оставшихся возле них юнкеров». Картина вернулась в СССР и после низвержения Троцкого, скорее всего, была уничтожена. Анненков создал целую галерею портретов Троцкого и вождей, причастных к приказу. В 1926 году успел еще выйти альбом Анненкова «Семнадцать портретов» с изображениями вождей, в настоящее время альбом стал раритетом. История создания и судьбы «репрессированного приказа», взаимоотношений Троцкого и художника, обстоятельно изложена в очерке и комментариях И. Обуховой-Зелинской. Именно в этом приказе устанавливается ставшая с тех пор общепринятой дата основания Красной Армии — 23 февраля. В предшествующие годы эта дата «плавала» от 15 до 28 января. Книга содержит около ста редких иллюстраций, ряд из них впервые вводится в оборот, впервые полностью воспроизводится и вся «троцковиана» художника. Одельная вкладка — репринт уничтоженной юбилейной брошюры.

**Юрий Безелянский. Отечество. Дым. Эмиграция. Русские поэты и писатели вне России. Книга первая. М.: ИПО «У Никитских ворот», 2018. — 432 с.**

Юрий Безелянский поставил перед собой задачу «собрать как можно полнее писателей вместе — и тех, кто не покидал Родину, и тех, кто оказался вне ее, и показать, как последним приходилось несладко на чужбине, но они достойно продолжали традиции великой русской литературы». По некоторым подсчетам, более двух миллионов подданных России покинули родину после революции 1917 года. Так называемая первая волна эмиграции. А за ней вторая, третья... Кто-то сам бежал из России из-за боязни смерти и репрессий, кого-то насильственно депортировали из страны. Ю. Безелянский повествует только о судьбах литераторов. Им особенно было трудно вписаться в чужую жизнь, ибо их ремеслом был русский язык, в эмиграции они оказались некоей замкнутой кастой, их читали только свои, беженцы из России. В этой книге речь идет об эмигрантах первой, послереволюционной волны. Большинство из них приветствовали Февраль, к Октябрю и последовавшему за ним отнеслись резко враждебно, не приняв режим, опирающийся на террор и насилие. Клокотали ненавистью и тосковали на чужбине по утраченной родине. Многие оставили яркие свидетельства бурных дней. Это и одно из самых яростных обличений революции и власти большевиков — дневник Бунина «Окаянные дни»; «Солнце мертвых» И. Шмелева — рассказ о событиях в Крыму, где был расстрелян его сын; эпопея кудесника и чародея русского слова А. Ремизова «Взвихренная Русь»; «Петербургские дневники» и «Черные тетради» З. Гиппиус; резкое обвинительное письмо А. Амфитеатрова Ленину, которого лично знал. В СССР не остались в долгу. На долгие годы вычеркнули из литературных списков Бунина, Бальмонта, Мережковского, Гиппиус и множество других. Не печатали, навешивали ярлыки. Так, Бунин, согласно советским энциклопедиям, являлся «космополитом и изменником», чьи художественные писания проникнуты «пессимизмом», «мелочны по тематике». И только спустя десятилетия после войны и, особенно, в период гласности на родину вернулись имена писателей-эмигрантов. Но не все. Ю. Безелянского к написанию книги об эмиграции подтолкнули стихи Владимира Смоленского, поэта «незамеченного поколения», покинувшего родину в 17 лет. Сын белогвардейского полковника, расстрелянного большевиками, он и сам воевал на стороне белых. И в эмиграции вспоминал Крым. «Над Черным морем, над белым Крымом / Летела Россия дымом. / Над голубыми полями клевера / Летели горе и гибель с севера. / Летели русские пули градом, / Убили друга со мною рядом. / И ангел плакал над мертвым ангелом.... / — Мы уходили за море с Врангелем». Автор называет В. Смоленского самым «лермонтовским» из всех эмигрантских поэтов. Тоскуя по родине, поэт Богу адресовал свои обвинения: «Ты отнял у меня страну, / Мою семью, мой дом, мой легкий жребий, / Ты опалил огнем мою весну — / Мой детский сон о правде и о небе. / Ты гнал меня сквозь стужу, жар и дым. / Грозил убить рукою брата, / Ты гнал меня по всем путям земным / Без отдыха, надежды и возврата». Уехав, востребованные когда-то на родине, преуспевающие литераторы потеряли все. Большинство ждала нужда и всех — ностальгия. Практически у всех возвратившихся участь была жуткая. Автор рассказывает о сложных зигзагах судеб эмигрантов: перепадах, взлетах, провалах, метаниях, страданиях. У них была трудная жизнь, но были и свершения. Бунин создал в эмиграции «Жизнь Арсеньева», за нее получил Нобелевскую премию, состоялся как классик всемирной литературы двуязычный писатель Набоков, в эмиграции сложился как поэт Г. Иванов. Стал в Париже театральным обозревателем князь С. Волконский, такая специальная наука, как театроведение, целиком обязана ему своим рождением. Библиограф и книговед Н. Рубакин, которого в советское время критиковали за разработанные им основы библиопсихологии — «науки о социальном и психологическом воздействии книг», в Женеве

основал секцию, а затем преобразовал ее в Международный институт библиопсихологии. Автор предложил свою классификацию литераторов. Первый ряд литераторов-эмигрантов, классики русского зарубежья. Эмигранты поневоле: те, кого революция застала за пределами России, где они и остались; среди них — кумиры дореволюционной России Л. Андреев и И. Северянин. Второй ряд писателей-эмигрантов: имена менее звонкие, но каждый внес ощутимый вклад в русскую литературу. Есть и третий ряд, и «эмигранты с младых лет» — те, кто был вывезен детьми. Заключительный раздел — «Юмористы и сатирики». Книга-справочник, но необычная. Сотни имен, большие очерки и короткие справки, развернутые отступления: философский пароход и его пассажиры; русские беженцы в Европе и паспорта Нансена; Берлин — Париж, два центра русской эмиграции. Емкие по смыслу названия глав. Мережковский как пророк грядущего Хама. Неистовая и загадочная Зинаида Гиппиус. Печальный Орфей Ходасевич. Марина Цветаева: буря и бездна. Борис Зайцев: писатель, любивший «Святую Русь». Муратов: влюбленный в Италию. Б. Поплавский — русский Эдгар По. Аверченко: король смеха. Майя Кудашева: шпионский роман. Галина Кузнецова: закатный роман Бунина. Берберова: женщина из Серебряного века. В этот литературно-художественный справочник по русской эмиграции вошли фрагменты из писем, воспоминаний и мемуаров русских беженцев, уничижительные цитаты из энциклопедий советского времени и замечательные стихи. «Все писательство пронизано личной жизнью», уверен Ю. Безелянский и яркими штрихами воссоздает биографии русских литераторов первой волны эмиграции, их творческие достижения, идейные и художественные установки, которыми они руководствовались. За этой книгой последуют и другие, посвященные эмиграции советского и постсоветского периодов.

**Эмилия Фесенко. «...Сын Земли и Океана»: Этюды о Викторе Конечком.**  
СПб.: Гангут, 2019. — 212 с.: ил.

Воспоминания родных, друзей, коллег, литературных критиков. Суждения Гранина, Евтушенко, Солженицына, Битова. Отрывки из статей, фрагменты интервью и бесед с писателем. Юношеские дневники Конечкого, переписка с матерью и, конечно, цитаты из его произведений. На основе такого обширного материала выстраивает свой рассказ о «последнем романтике» XX века, капитане русской литературы Викторе Конечком (1929—2002) литературовед Эмилия Фесенко. Он «при всей романтичности своей натуры, при всей своей любви к красоте мира, что проявилось в его акварелях и картинах, в его описаниях северных пейзажей, был максималистом, откуда и шла его жесткость как к выполнению человеком долга, морской службы, так и в отношении к творчеству и поведению коллег по литературному цеху, а еще более — к самому себе», — пишет она. Стремясь понять сложный и противоречивый характер писателя, мотивы поведения его самого и его героев, автор воссоздает биографию Конечкого. Подробно — о семье. Отец — старший следователь, военный прокурор в звании майора юстиции, оставивший семью, так как три сестры жены были замужем за царскими офицерами, судьба членов семей сложилась ожидаемо: лагеря, тюрьмы, а для кого-то — расстрел. Мать и ее старшая сестра в юности работали на сцене в группе Дягилева, дружили с Ольгой Хохловой, будущей женой Пикассо. На стенах комнаты висели гравюры, рисунки, старинные семейные иконы, на столике лежали шахматы, подаренные дядюшке Шуре самим Алехиным. Уголок старой дореволюционной культуры в советской России? Но «у меня память на детство отшибла блокада — это было сильнейшее физиологическое и психологическое потрясение. Потому все, что было до сорок пятого года, я очень смутно помню». Конечкий не любил вспоминать блокаду: «запредельных вещей не выдерживает бумага». Но воспоминания о ней прорывались во время встреч с друзья-

ми, бесед с родными, в статьях и интервью, в дневниковых записях. «Ужас неимоверный: людоедство. Около Смоленского кладбища я наткнулся на труп с вырезанными ягодицами. Это была зима 1941-го—1942-го. Какой месяц — не помню». Соседями в квартире была многодетная семья. «Вскоре для нас, младших, самым страшным стало пройти отрезок от дверей нашей комнаты до выхода. Поскольку надо было передвигаться, приходилось идти, ощупывая застывшие трупы». На глазах будущего писателя умирали любимые тетушки, при эвакуации едва не погибла мать. Э. Фесенко по крупицам собрала разрозненные воспоминания, впечатления «забытого» детства, легшие в основу личности человека и писателя В. Конецкого. Память таила страшные вещи помимо блокады: в морских походах он видел и гибель матросов, и сам находился на краю смерти. И экзистенциальные мотивы смерти, страха, одиночества, старости звучали в его книгах. Надолго в его судьбу вошел Север: Конецкий участвовал в перегоне промысловых судов Северным морским путем во Владивосток, был капитаном сейнера, который прошел из Петрозаводска в Петропавловск-на-Камчатке, проводил месяцы арктической навигации в 1975 году, в 1979-м ходил по морю на «Северолесе», а это были опасные рейсы во льдах. Конецкому-капитану и капитанам в его произведениях посвящена отдельная глава. Автор прослеживает долгий путь писателя в поисках своего жанра: от многолетнего ведения дневника к художественным произведениям. Таким жанром стал «роман-странствие»: сочетание зарисовок, очерков, лирических отступлений, философских размышлений, разбавленных иронией и юмором, ибо Конецкий считал, «что единственное средство против перепутанности и сложности мира — юмор». Как подметил критик Л. Аннинский: «Виртуозный и чисто „конецкий“ ход: убить мнимую поэзию прозаической деталью». Э. Фесенко погружает читателя в художественный мир Конецкого. Отдельные главы посвящает анализу произведений «Кто смотрит на облака», с которого начинался путь к созданию жанра «роман-странствие», «Соленый лед», первому опыту путевой прозы. Э. Фесенко обращается к неожиданным сюжетам: религия и Конецкий, образы женщин в произведениях Конецкого. И подробно освещает главную тему книг Конецкого: флот, море, север. И открывается такая разная Арктика Конецкого, огромный мир, где есть место и героике, и будничной работе, и изменчивой красоте необычных пугающих пейзажей. Для Конецкого, чье поколение — и он лично принимал в этом участие — превратило Северный морской путь в нормально действующую морскую магистраль, развал русского флота в 90-х годах XX века стал «самой большой трагедией жизни». Этюды (первоначальные наброски, эскизы) превращаются в цельную картину, в центре которой писатель с трагическим опытом блокадных испытаний и долгим грузом ответственности за судьбы вверенных ему кораблей, дел, жизни людей, всегда старавшийся внушить людям надежду, ибо, по его словам, «писатель, лишенный оптимизма, вреден для общества».

**Джон Ллойд Стефанс. Записки из путешествия по России и Польше.**

**Пер. с англ. Т. Новиковой; предисл., коммент. Д. Зелова. М.: Кучково поле, Икс-Хистори, 2018. — 352 с.: ил.**

Джон Ллойд Стефанс (1805—1852), американский путешественник первой половины XIX века, первооткрыватель таинственной и загадочной культуры майя, в России оказался случайно. Летом 1835 года он хотел выехать из Константинополя в Египет, но там разразилась эпидемия чумы, и, узнав, что русский пароход направляется в Одессу, переменил решение «и вознамерился покинуть лежащие в руинах страны Старого Света ради страны, которая лишь недавно поднялась из варварского состояния и достигла гигантского величия». Он проехал практически через всю Россию с юга на север (от Одессы до Санкт-Петербурга), почти 2000 миль по стране, «которая наполовину

оставалась варварской, и где не было никаких условий для путешественников». Ехал в дилижансе, дрожках, почтовой карете, устраивался на ночлег в первоклассных гостиницах и неказистых придорожных харчевнях, на ямских станциях. Иногда спал на соломе в повозке и во дворах под открытым небом. Он путешествовал фактически в одиночку (лишь иногда у него появлялись случайные попутчики) и абсолютно не зная русского языка. Благодаря природному дружелюбию с легкостью завязывал новые знакомства, не раз выходил из щекотливых ситуаций. Он побывал в Одессе, Киеве, Новгороде, Москве, Санкт-Петербурге, Варшаве, Кракове. Посещал музеи, дворцы, соборы, театры, рестораны. Россия поразила его с первого дня: офицер в Одессе, проводивший опрос направляемых на карантин путников, к каждому «обращался на его языке с такой свободой, словно это был его родной язык». «Мы были поражены русской вежливостью. Я слышал ужасные истории о том, как плохо относятся в России к путешественникам, и они меня пугали, но после пребывания в лазарете я об этом напрочь забыл. Эти северные варвары, как называют их жители Южной Европы, отнеслись ко мне гораздо более вежливо, чем их „цивилизованные“ соседи». Многократно повторяя западную парадигму «Россия — варварская страна», Стефанс постоянно противоречит сам себе. Одесская гостиница по виду и размерам превосходила лучшие отели Парижа; киевский Успенский собор — все виданные им греческие церкви; бульвары и публичные сады Москвы — Люксембургский сад и Тюильри, а «дилижанс до Санкт-Петербурга лучший, из всех, в которых мне доводилось ездить». Да и русские театры сравнимы с европейскими. А «тот, кто приезжая в Россию, полагает увидеть там людей, только что вышедших из варварства, часто бывает поражен, неожиданно оказавшись в окружении парижской элегантности и изысканности». Он открывает для себя роскошь чисто русского (и азиатского) города Киева, «чудо московских колоколов», потрясен обилием зелени и цветов на улицах Москвы. Восхищен архитектурным великолепием Санкт-Петербурга, перед которым меркнут богатая Венеция и город дворцов Генуя. В восторг приводят фантастически раскрашенные лодки на Неве и лодочники в ситцевой или льняной рубашке и штанах, с длинной светлой бородой, напоминающие венецианских гондольеров. Неожиданности открывает для себя и современный читатель. «Дорога из Москвы в Санкт-Петербург ныне является одной из лучших в Европе. Почти по всей протяженности она вымощена щебнем и окружена деревьями. Почтовые станции на ней большие и красивые, под управлением государства. Можно подкрепиться супом и котлетами по установленным ценам. Мосты над ручьями и реками были крепкими и основательными. Их строили на прочном граните и ограждали коваными балюстрадами, украшенными изображением двуглавого орла — герба России». А Стефансу было с чем сравнивать. И его, и нас одинаково поражает, что «путешествия по России и Польше были удивительно безопасными. Бескрайние равнины, большие расстояния между городами и деревнями, обилие лесов, обычай путешествовать не только днем, но и по ночам, отсутствие каких бы то ни было мер по обеспечению безопасности на дорогах — все это должно было бы благоприятствовать грабегам и убийствам. Однако подобные случаи крайне редки». Что не выглядит неожиданным — это взяточничество. С ним Стефанс довольно быстро смирился, на собственном опыте осознав горькую справедливость русской народной мудрости «не подмажешь — не поедешь». Резкое отторжение вызывало у него крепостничество, он не раз проводит параллели с рабством США не в пользу последнего. А в Польше, входившей тогда в состав Российской империи, он быстро погрузился в откровенную русофобию. От восхищения талантами и достоинствами россиян не осталось и следа, зато в изобилии появились резкие фразы о кровавых русских варварах, насильно прервавших самобытное течение польской истории и разрушивших польскую национальную идентичность. О событиях Польского восстания 1830—1831 годов Стефанс узнавал от участников боевых действий и членов их семей. Доста-

лось и европейцам. «Никто не пришел на помощь. Ни Франция, ни одна другая страна в Европе ничего не сделали. Все спокойно смотрели на ее падение». Стефанс, юрист по образованию, при создании своей книги использовал многочисленные слухи и мифы и при всей своей эрудиции делал нелепые ошибки. Так, Кремль у него — старая татарская крепость, Т. Костюшко убит русскими в 1794 году в бою за Варшаву. Хотя на самом деле Костюшко был взят в плен в 1794 году, прощен Павлом I сразу же после смерти Екатерины II, свободно выехал из России и почти два десятилетия вел активную деятельность в Европе и Америке. Фантазии автора на тему древней и современной истории, неточности и вымышленные факты нашли отражение в комментариях Д. Зелова. «Случаи из путешествий по Греции, Турции, России и Польше» на русском языке издаются впервые. Стефанс — прекрасный рассказчик, в его книге — богатейший материал о быте, жизни и достопримечательностях николаевской России. И есть уникальная возможность сравнить впечатления американского путешественника с тем, что мы имеем сегодня. Так, Стефанс видел барочный шедевр Растрелли — Иорданскую лестницу Зимнего дворца, уничтоженную пожаром 1837 года и воссозданную архитектором Стасовым.

**Лучано Канфора. Исчезнувшая библиотека. Пер. с итал. А. Миролубовой. СПб.: Александрия, 2018. — 224 с.**

О самой знаменитой библиотеке древнего мира — Александрийской — известно удивительно мало: материальных свидетельств нет. Да существовала ли она вообще в том виде, как мы ее представляем? Традиционно считается, что эта некогда самая крупная коллекция трудов величайших мыслителей и писателей древности, заложенная в III веке до н. э. египетским властителем Птолемеем I Сотером и изгнанным афинским правителем и ученым Деметрием Фалерским с целью собрать «все книги всех народов», безвозвратно погибла 2000 лет назад в огне. Предполагается, что библиотека насчитывала полмиллиона экземпляров, неясно только — книг или свитков. В хранилище были труды Сократа, Платона, Гомера, переводы на греческий язык иранских, еврейских, буддистских текстов. Книги ценились и как фактор престижа, и как орудие власти: чтобы управлять, надо было знать религию и законы подвластных народов. Итальянский историк Лучано Канфора подвергает тщательной ревизии все, что известно об исчезнувшей библиотеке, и заново реконструирует ее девятивековую историю. Реконструирует историю основания библиотеки. Ставит вопросы и ищет ответ на них. Как формировался и пополнялся «библиотечный фонд»? Какое место царская библиотека занимала в храмовом комплексе Мусейона, Храма муз (от него произошло слово «музей»), выполнявшего функции учреждения культового и учебного. Являлась ли отдельным зданием? В Мусейоне, предположительно, проживало более ста ученых, занимавшихся переводами текстов, их копированием, каталогизацией, чтением лекций. Л. Канфора пишет и о творческих и идейных конфликтах, сотрясавших ученое сообщество тех лет. Конфликты происходили и между учеными Александрии и Пергама, где находилась библиотека-соперница. Были глубокие корни расхождений: в трактовке текстов, в методике исследований. А еще эрудиты развлекались, изготавливая фальшивки, смешивая тексты, создавая «оригинальные» «труды» известных философов. Все во славу своих коллекций. Переделки и «улучшения» коснулись и творений Гомера. Ловкие манипуляторы выдавали работы Теофраста, отнюдь не являвшиеся в те времена «лакомым куском», за труды Аристотеля. Драматической судьбе книг Аристотеля посвящено немало страниц. Среди персонажей безымянные библиотекари и личности, оставившие след в истории: правители, политики, богословы, ученые. Каждая глава — это маленькая новелла с солидным информационным наполнением. «На одной из

улиц Александрии римский гражданин убил кота: у него, видно, помутился рассудок. Потом римлянин удалился к себе домой, несколько, впрочем, обеспокоенный. Через несколько часов дом был взят в осаду. Если не спастись бегством, что было уже невозможно, его ждала верная смерть: на практике формальности не соблюдались. Диодор, присутствовавший при этой сцене, наблюдал — неслыханное дело — как чиновники, посланные лично Птеломеем, умоляли толпу пощадить жизнь римлянина. Но все было бесполезно. Спокойствие воцарилось только тогда, когда труп, обезображенный до неузнаваемости, остался валяться на опустевшей улице: единственное свидетельство присутствия человека». Так живописно начинается глава «Второй посетитель». Расправа над римским гражданином, случайно убившим священное в тех краях животное, была несовременна: в Александрии находились римские легаты, наконец-то готовые признать Птеломея «Флейтиста» «другом и союзником» римского народа. А второй посетитель — это Диодор Сицилийский, древнегреческий историк и мифограф, прибывший в птеломеевский Египет в 50-х годах до н. э. Именно в его изложении до нас дошел исторический труд Гекатея Абдерского «О египтянах». Древнегреческий историк и философ, историограф Александра Македонского, сопровождавший его в походах, Гекатей дал подробное описание мавзолея фараона Рамзеса II в Фивах. В этом-то описании Л. Канфора и обнаруживает ключ к Александрийской библиотеке: «священная библиотека» мавзолея Рамзеса предстает в описании не как зал, а как шкаф или ряд шкафов вдоль одной из сторон крытой галереи. Отдельного библиотечного зала, скорее всего, не было и в Александрийском музее. У итальянского историка есть и своя версия гибели Александрийской библиотеки. Он опровергает самую распространенную: в 48 году до н. э. Юлий Цезарь, попав в смертельную ловушку царедворцев Птеломея в царском дворце, чтобы выиграть время, приказал поджечь египетские корабли, в пожаре погибла и библиотека. Опираясь на свидетельства древних авторов, Л. Канфора утверждает, что сгорела не библиотека, а погибли хранившиеся на складе в порту манускрипты, предназначенные либо на продажу, либо в дары какому-то богачу в Риме. Известно их число: около сорока тысяч свитков превосходного качества. Город пережил пожар, еще несколько столетий во время политических и военных баталий город жгли, грабили, разрушали здания. Л. Канфора считает, что чудо древней Александрии, ее знаменитая библиотека погибла в 640—641 годах, во время завоевания Александрии арабами. Полководец Амр ибн ал-Асом не был невежественным воином. Приводится диалог эмира Амра с сирийским патриархом, во время которого полководец задавал патриарху тонкие вопросы о Священном Писании и о так называемой божественной природе Христа, о Троице. Он даже попросил, чтобы патриарх велел перевести на арабский язык христианские евангелия. По поводу библиотеки эмир направил запрос халифу Омару. Ответ: «Если их содержание согласуется с книгой Аллаха, мы можем без них обойтись, ибо в таком случае книги Аллаха более чем достаточно. Если же, наоборот, они содержат в себе нечто противное книге Аллаха, нет никакой надобности их хранить. Поди и уничтожь их». Манускрипты собрали вместе и использовали вместо топлива. Свитков было так много, что ими обогревали четыре тысячи городских бань Александрии в течение шести месяцев.

**Елена ЗИНОВЬЕВА**

Редакция благодарит за предоставленные книги  
Книжную Лавку Писателей  
(Санкт-Петербург. Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,  
[www.lavkapisateley.spb.ru](http://www.lavkapisateley.spb.ru))